

Лишь постепенно, во многом уже «на глазах истории», употребление аккузатива, усложненное вследствие его семантической и функциональной многоплановости такими конструкциями, как двойной винительный (типа лат. *doseo te litteras* «обучаю тебя наукам»), второй винительный (типа др.-рус. *постави Мефодья епископа*), винительный с инфинитивом, претерпевает различные специализации — ограничения: путем более четкой дифференциации именных и глагольных категорий (устранение винительных объекта при именах), путем более строгого разграничения переходных и непереходных глаголов (развитие каузативов, деноминативов, префиксальных глаголов и предложно-падежных форм), путем регуляризации залоговых оппозиций (отмирание аккузатива при глаголах средних и страдательных) [4, с. 241].

«Систематизирование и объяснение значений винительного в ариоевропейской отрасли» привело А. В. Попова к логическому выводу: «...то значение винительного, которое в позднейшее время является главным и считается некоторыми основным, есть значение позднейшее, явившееся под перекрестным действием разного рода вытеснений и ограничений; прежде чем винительный пришел к этому значению, он оставил на пути своего развития целую массу более древних значений» [4, с. 306]. Даже из конспективного изложения нетрудно заметить, что реконструкция функционально-семантического развития аккузатива, предложенная Поповым, в существенных чертах совпадает с новейшими представлениями о становлении номинативного (аккузативного) строя в индоевропейском языке (ср. [13; 14; 15; 16; 17]). Богатство использованного материала, тонкий анализ семантических отношений, стройность классификаций, смелость и в то же время закономерность обобщений — все эти несомненные достоинства «Синтаксических исследований», во многом предвосхитивших достижения современного языкознания, обуславливают их непреходящее значение для индоевропейской компаративистики.

К сожалению, в единственной рецензии на труд безвременно умершего, но все же столь много успевшего ученого, написанной его старшим современником Ф. Ф. Фортунатовым, основное внимание (30 страниц из 34) уделено той части «Исследований», где собственным идеям и наблюдениям автора принадлежит сравнительно небольшое место, а именно — главе I «Положение именительного, винительного и звательного среди других падежей», занимающей в книге 101 страницу из 307. Большая часть работы А. В. Попова, в которой он проявил глубокое знание языковых фактов, блестящие способности оригинального интерпретатора и систематизатора сложных и, казалось бы, разнородных явлений, — т. е. II и III главы, посвященные истории винительного падежа, — эта часть удостоилась в рецензии лишь нескольких кратких, разрозненных и безоценочных абзацев.

Первые десять страниц разбора содержат беглое изложение основных положений монографии, и прежде всего ее I главы. Уже здесь Ф. Ф. Фортунатов критически отметил, что ему малопонятен, «за какими бы то ни было оговорками... следующий критерий для разграничения винительных «независимых» и винительных «объекта»: «только те винительные — винительные объекта, которые в соответственных страдательных оборотах делаются подлежащими»; а между тем, по словам Попова, «факты показывают, что во многих случаях подлежащими страдательных оборотов являются те самые имена, которые в соответственных действительных оборотах являются винительными независимыми» (стр. 181)» [5, с. 95].

Прочитированные высказывания Попова действительно противоречат друг другу — но лишь будучи вырванными из контекста. Аргументированно опровергая традиционное мнение о винительном как «спутнике действительного глагола», Попов показал, что в древних индоевропейских языках аккузатив постоянно употреблялся не только при активных, но и при медиальных и страдательных формах глагола, «и даже при словах,